

Маргерит Виктор

Девушка Парижа

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В43

В43 **Виктор М.**
Девушка Парижа / Маргерит Виктор – М.: Книга по Требованию, 2024. –
394 с.

ISBN 978-5-519-95370-2

ISBN 978-5-519-95370-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

II.

.....
„Увы! Теперь я наталкиваюсь на картину глубочайшаго
человѣческаго паденія, на отвратительнѣйшій пережитокъ
животнаго рабства, на роковую проблему, передъ которой
въ ужасѣ отступаютъ даже теоретики социализма—я гово-
рю о проституціи.

На министрѣ внутреннихъ дѣлъ лежитъ обязанность под-
держивать жестокою, безнравственную регламентацію недо-
пустимаго порядка вещей. Женщина гибнетъ искупитель-
ной жертвой за пороки мужчины! Ахъ! Если бы вамъ
показать, какъ проходить передъ тѣмъ, что именуется
Полицейской Префектурой, чудовищная процессія этихъ
погибшихъ созданий — возрастомъ отъ пятнадцати до
шестидесяти и болѣе лѣтъ—созданий, воплотившихъ въ
себѣ всю бездну человѣческаго горя, то вы, быть можетъ
согласились бы со мной, что держать ихъ подъ замкомъ
за неисполненіе правилъ, издавать которыхъ мы не имѣемъ
права, и съ легкимъ сердцемъ подвергать ихъ каждоднев-
ному униженію, еще не значить поднять общественную
нравственность. Въ теоріи я обязанъ стоять на стражѣ на-
роднаго здоровья, угрожаемаго этими страшными полчищами;
но долженъ сказать, что съ этой обязанностью мои под-
чиненные совершенно безсильны справиться исключительно
благодаря житейской практикѣ, противорѣчащей закону,
закрепленной даже основнымъ началамъ всякаго правленія.
Я далекъ отъ желанія отрицать, что это зло можетъ быть
смягчено гуманностью чиновниковъ, но предстоитъ еще
не мало крупныхъ передѣлокъ, не мало творческой и пре-
образовательной работы“

Ж. Клемансо, министр внутреннихъ дѣлъ
(Изъ рѣчи, произнесенной въ Драгизьянѣ 14-го октября 1906 г.).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ эту жаркую лѣтнюю ночь Севастопольскій бульваръ напоминалъ собою громадную рѣку.

Аннета, убаюкиваемая увлекавшимъ ее потокомъ людской толпы, вновь и вновь приливавшей къ главному руслу, добровольно отдалась во власть этой огромной силы.

Въ вискахъ у нея стучало, руки ея были влажны. Послѣ цѣлаго дня непрерывной работы иглою въ свертомъ воздухѣ низкихъ антресолей у нея кружилась голова отъ усталости. Она подвигалась среди толпы—маленькое смиренное существо, чистота котораго только усиливала его безпомощность—какъ обломокъ корабля, уносимый волнами.

Ближайшіе ряды обгоняли ее; передъ нею мелькали лица и спины людей. По временамъ они сталкивались со встрѣчной толпой людей, шедшихъ торопливою походкой, спѣшившихъ къ наслажденіямъ, по дѣлу, или просто безцѣльно фланировавшихъ.

Изъ всѣхъ мелькавшихъ передъ нею лицъ,—каждое съ особою печатью своихъ привычекъ и страстей,—она не различала ни одного. Она двигалась какъ безплотный духъ или какъ растеніе, пропитанное могучими испареніями жизни, струившейся вокругъ него.

Ее окружали шумящія, тревожныя тѣни. Чувствовалось дыханіе огромнаго Парижа.

Лѣтняя ночь развѣтывалась во всемъ своемъ блескѣ; мелькалъ желтый свѣтъ фонарей, красныхъ и бѣлыхъ электрическихъ лампъ, сіяли тысячи витринъ. Начались огоньки экипажей, омнибусовъ, трамваевъ и автомобилей...

Свѣтъ, снизу обливавшій деревья, пробуждалъ ихъ отъ сна, и на темномъ фонѣ неба причудливо вырисовывалась ихъ листва. На перекресткахъ улицъ, между невидимыхъ крышъ, мерцали звѣздами темныя полосы глубокаго неба.

Аннета ничего не видѣла и не слышала. Машинально, точно кѣмъ-то насильственно влекомая, шла она между сторожемъ изъ банка и женщиной въ скверномъ рыжемъ парикѣ, крѣпко прижимавшей къ животу старую плетеную сумку.

Съ каждымъ перекресткомъ толпа увеличивалась. Вѣсь этотъ людской потокъ смѣшивался въ одинъ общій водоворотъ, куда приливали новыя волны, промывавшія себѣ путь по разнымъ направленіямъ. Съ Монмартра и Виллетъ—къ предмѣстью С.-Дени; съ западной, съ восточной части города—къ большимъ бульварамъ; съ Латинскаго квартала—къ бульвару С.-Мишель; вѣсь городъ въ этотъ вечеръ, какъ и всегда, выливалъ на Севастопольскій бульваръ—свою главную артерію—всю прогнившую и испорченную кровь своихъ венъ.

По пути Аннета видѣла закрытые магазины, мастерскія—нѣкоторыя съ открытыми для впуска свѣжаго воздуха окнами, душные дворы; всюду кишѣли цѣлыя массы народа, загромождая площади, тротуары, геррасы кафе, гдѣ изъ черной массы публики выдѣлялись свѣтлыя пятна женскихъ платьевъ...

Живое море людей, насыщенное конституціей, праздностью, страданіями и восторгами...

На углу улицы Тюрбиго Аннета повернула. Блѣдный свѣтъ рефлекторовъ падалъ на сырыя плиты тротуара. Большое зеркало въ простѣнкѣ между двумя

витринами отразило ея тонкую, нѣжную фигуру въ ситцевомъ платицѣ, красиво обрисовывающемъ изгибъ шеи у ея основанія и полныя бедра... Чистый овалъ лица, окаймленнаго волнами черныхъ прядей, матовый цвѣтъ кожи, большіе синіе глаза...

О, послушать только эту негодницу Кло!..

Ея врожденная чистота и порядочность возмущались тѣмъ, что она видѣла. Она ускорила шаги... Народу стало меньше и она съ облегченіемъ вздохнула. Рыжая толстуха свернула въ ту же сторону... Изъ бакалейной лавки неся противный запахъ съѣстныхъ припасовъ, овощей, прокисшихъ консервовъ. Аннета вдругъ почувствовала тошноту. За весь день она съѣла только полфунта вишенъ съ маленькимъ хлѣбцемъ, когда въ полдень вышла на улицу прогуляться подъ руку съ Кло, чтобы хоть на четверть часа вырваться изъ раскаленной атмосферы, гдѣ все время приходится шить и шить, пока отъ усталости кровь не прильетъ къ вискамъ, не забѣгаютъ по ногамъ мурашки, пальцы окончательно не онѣмѣютъ... Обыкновенно рабочій день длился десять часовъ. И этого труда достаточно для тѣхъ трехъ франковъ, которые ей платили. А тутъ еще этотъ отвратительный іюнь, съ его Grand-Prix, съ отъѣздами на дачи, на море... Явились на сцену сверхурочные часы, принесшіе съ собою страшную усталость, но зато и нѣсколько лишнихъ су. Въ эти вечера она не обѣдала. Придя домой, она либо доѣдала вчерашніе остатки, если таковые были, или же съѣдала ломоть хлѣба, обмокнутый въ кипяченое молоко.

Завтра имъ всѣмъ можно будетъ купить на завтракъ кусокъ жареной колбасы, или чего-нибудь жаренаго, или же одинъ изъ тѣхъ лакомыхъ кусковъ, которые плаваютъ въ котлѣ съ кипящимъ жиромъ у торгующей подъ воротами тетке Микъ-Макъ, размѣшивающей ихъ большой шумовкой. Аннету еще пока не возмущала эта жестокая эксплуатація работницъ,

которая, обогащая хозяина, высасывала соки изъ несчастныхъ; эта неимоверно-напряженная работа надъ замысловатыми принадлежностями бѣлья, надъ тонкими вышивками и бездѣлушками, этой пищей тщеславія и роскоши, которыя, украшая однихъ, разрушаютъ здоровье другихъ. Работая въ мастерской торговаго дома бр. Зихельмейеръ, она оставалась все тойже безпокойной, мечтательной натурой, гордымъ и замкнутымъ существомъ, которое жизнь перестала волновать съ того несчастнаго дня, когда ея мать пошла за гробомъ отца покинула Авезъ, чтобы жить съ господиномъ Феррю“...

Ахъ, эта Кло!.. Аннета любила ее, несмотря на ея легкомысліе, шокировавшее Аннету. Какъ можно было такъ вести себя съ мужчинами!.. Она мысленно представила себѣ бѣленькую мордочку Кло и словно слышала ея насмѣшливый голосокъ:

— Ты изъ тѣхъ, которыя даютъ себя душить, — говаривала ей та. — Тебѣ это все равно, да? А если тебя заставятъ начинать свой трудовой день въ восемь часовъ вмѣсто девяти? Если тебѣ совѣмъ не дадутъ отдыха?.. А если тебя законопатятъ въ ящикъ безъ воздуха и продержатъ тамъ до двухъ часовъ ночи? Это просто срамъ! До чего позволяютъ себѣ измываться эти надсмотрщицы!..

Все это вѣрно... Кло совершенно права, хотя именно сегодня грѣхъ пожаловаться. Онѣ разошлись довольно рано. Пожалуй, не позднѣе одиннадцати часовъ... Нѣтъ, она вспомнила... на пневматическихъ часахъ стрѣлка показывала половину двѣнадцатаго. Въ полночь она будетъ въ постели... Чортъ возьми! Вотъ должно быть жарко въ узенькой постели подъ крышей... Ба! Что тамъ происходитъ напротивъ?

Вмѣсто того, чтобы перейти дорогу, Аннета остановилась. Рыжая толстуха, шедшая все время съ нею рядомъ, задѣла ее локтемъ; вдругъ она подобрала свою юбку выше колѣнъ, какъ бы собираясь бѣжать, и,

вернувшись въ полъоборота, проговорила сдавленным голосомъ:

— Блюстители нравовъ!

При видѣ происходившаго у Аннеты явилось чувство отвращенія. На противоположномъ тротуарѣ двое мужчинъ толкали старую женщину съ непокрытой головой.

— Слѣдуйте за нами!—кричали они ей.

Но женщина отбивалась, съ крикомъ цѣпляясь за встрѣчные фонарные столбы. Другія двѣ покорно стояли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ и ждали сигнала, чтобы слѣдовать въ участокъ. Онѣ молча наблюдали сцену. Онѣ были одѣты въ свѣтлые корсажи; на головѣ красовались шляпки *canotier*; лица выражали тупую злобу...

На руку Аннеты опустилась чья-то другая рука. Она вздрогнула; передъ нею было чье-то лицо, но она видѣла только сердитые глаза, щетинистые черные усы и слышала повелительный голосъ:

— Въ участокъ!—сказалъ ей кто-то.

— Почему?—возмутилась она, вырываясь и обезумѣвъ отъ страха.

— Въ участокъ!.. Не брыкаться... На тротуарахъ запрещено останавливаться.

— Вы ошибаетесь, сударь, отпустите меня!

— Знаемъ, знаемъ... Впередъ...

Аннета возмущалась; съ нею сдѣлался нервный припадокъ. Она безсвязно выкрикивала слова, бранилась, грозила. Ей хотѣлось выть, кусаться...

Но сознаніе того, что тутъ произошла ошибка, и спокойная увѣренность въ своей невинности взяли верхъ... Она чувствовала себя слабѣйшей стороной, соломинкой въ рукахъ невѣдомой и страшной силы... Къ чему сопротивляться? Вѣдь ошибка не замедлитъ обнаружиться. Въ участкѣ все выяснится... Ее сейчасъ же отпустятъ съ извиненіями...

Конечно, это ужасно. Слезы ослѣпляли ее, душили стыдъ; она вся тряслась отъ рыданій и не могла поднять головы. Она не замѣчала, что идетъ подъ кон-

воемъ полицейскаго, рядомъ все съ той же рыжей толстухой.

Они пошли по узкой улицѣ, гдѣ изъ полуоткрытыхъ дверей кабацковъ падалъ свѣтъ, пробивавшійся сквозъ занавѣски... При видѣ „штатскихъ“ и ихъ добычи, силуэты подозрительныхъ пьяницъ пятились назадъ женщины старались юркнуть подъ защиту прилавка... Потомъ пошли рынкомъ, мимо груды корзинъ, отъ которыхъ неслись ѣдкій запахъ, мимо кучъ моркови, рѣпы и горъ капусты. Аннетѣ вспомнились поля Авеза, когда она, вмѣстѣ со своей кузиной Розой и съ Фризе, еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой, связывала пачками спаржу...

Наконецъ, они подошли къ площадкѣ, гдѣ горѣлъ красный фонарь и мелькали у входа группы полицейскихъ; мостовая вонючаго дворика казалась покрытой слоемъ жира. Въ глубинѣ глухого тупика Аннету грубо втолкнули въ большое помѣщеніе, гдѣ она очутилась среди проститутокъ, низшихъ и высшихъ чиновъ полиціи, бродягъ—всего человѣкъ до тридцати, которые бѣсновались и вопили, утопая въ густыхъ облакахъ и вони, спиравшихъ дыханіе.

Вначалѣ Аннета ничего не замѣчала. Она стояла у стѣны вмѣстѣ съ рыжей толстухой и съ женщиной, которая отбивалась отъ полицейскихъ; это была сѣдая и высохшая старуха; груди ея мѣшкомъ висѣли подъ кофтой; у нея то и дѣло начинались приступы раздражающаго кашля съ кровавыми отхаркиваніями.

Аннета едва различала находившихся вмѣстѣ съ нею товаровъ. Ихъ набралось съ десятокъ; изъ нихъ двѣтри совсѣмъ молоденькія худышки, а большинство уже перезрѣлыя, обрюзгшія. Печатью порока и озлобленія отмѣчены ихъ лица. Аннета прижала локти и съежилась.

Ей очень хотѣлось избѣжать соприкосновенія съ этой грязью. Но вдругъ ее охватила жалость къ другимъ и къ себѣ. Зачѣмъ онѣ всѣ здѣсь? Зачѣмъ она сама здѣсь?

Отъ времени до времени слышался стонъ, вопль возмущенія, послѣ котораго наступала удручающая тишина. Аннета оглядѣла всю комнату. Въ противоположномъ углу у стѣны собрались мужчины: все пропойцы и бродяги съ мрачными взглядами, старики съ потускнѣвшими взорами,—словомъ, всевозможныя жертвы неумолимой нищеты. Посреди комнаты стоялъ столъ, заваленный дѣловыми бумагами; у стола стояли и сидѣли въ ожиданіи „штатскіе“: одни писали, другіе допрашивали пришедшихъ.

— Вотъ эти,—сказала рыжая, наблюдавшая Аннету и угадавшая въ ней „новенькую“,—„блюстители нравовъ“. А вотъ тамъ,—указала она на столъ въ углу, гдѣ занимались тѣмъ же дѣломъ,—это „штатскіе“ этой части...

Немного дальше сидѣли за длинными столами при свѣтѣ лампъ подъ абажурами писцы полицейскаго комиссаріата въ пиджакахъ изъ альпака и въ толстыхъ брюкахъ. Тутъ же бродили равнодушные ко всему низшіе чины полиціи въ своихъ узкихъ темныхъ мундирахъ и въ кэпи съ гербомъ Парижа.

Но вотъ ряды разступились, и всѣ сняли шляпы. Явился полицейскій комиссаръ, начальникъ летучей бригады полицейскихъ.

Аннета обратила свой горячій, умоляющій взоръ къ этому избавителю. Она хотѣла закричать, но страхъ сковалъ ее. Она напоминала камешекъ подъ жерновомъ. Рыжая бормотала:

— Это Люка. Вотъ ловкая бестія!

Большинство проститутокъ хорошо знало этого чиновника, отъ котораго зависѣла судьба одного ихъ вечера. Онѣ испытали уже на себѣ его краткіе вопросы и знали цѣну его рѣзкому тону и властной безцеремонности.

Смиренныя души тѣхъ, которыхъ давятъ, надѣлены способностью отличать справедливое отъ несправедливаго и питаютъ инстинктивное уваженіе къ силѣ. Эти

бѣдняги видѣли въ лицѣ Люка энергичнаго и безпристрастнаго исполнителя того беззаконія, которому онѣ, правда, съ проклятїями подчинялись. И будучи подвергнуты наказанїямъ, многія въ концѣ-концовъ покорялись и входили даже во вкусъ кары.

Надвинувъ шляпу на уши, Люка по-военному исправлялъ свои обязанности. Одна за другой проститутки по очереди подходили къ нему. Онѣ топтались у стола, вытаскивали по горсточкѣ свое жалкое имущество: связку ключей, коробку для пудры, портмонэ съ испорченнымъ замкомъ—вообще все, что можно было выскрести изъ глубины кармановъ. Одинъ изъ полицейскихъ агентовъ пересчитывалъ своими толстыми пальцами мѣдь и серебро. Голосъ Люка гремѣлъ:

— Вашъ билетъ?

Женщина наклонялась и быстрымъ движенїемъ вытаскивала кусочекъ четырехугольнаго картона, тщательно запрятаннаго въ чулокъ у самаго бедра.

— Извольте!

— Красный билетъ... Ага! сифилитичка... А правила вы соблюдаете?.. Нѣтъ, вы пропустили послѣдній осмотръ... Въ депо!

Женщина съ краснымъ билетомъ безропотно не поморщившись—вѣдь ее только слегка пожурили—отошла направо въ сопровожденїи сторожа арестантской при участїѣ. Направляясь къ коридору, откуда неслись звуки непристойныхъ пѣсенъ и пьяной ругани, она на ходу разстегивала свою юбку въ вышитыи вошанами—хрупкимъ орудіемъ заработка...

Опять раздался голосъ Люка. Аннета, тщетно протягивавшая руки, чтобы ее сейчасъ же освободили, трепетала. Приближалась ея очередь.

Старуха въ кофтѣ стояла у стола, сильно волнуясь.

— Я ничего не дѣлала, господинъ комиссаръ, увѣряю васъ, ничего. Во всемъ виноватъ этотъ толстый. Онъ сердитъ на меня...

Она показывала на одного изъ полицейскихъ съ боль-